

А. С. Юханов // ТЯЗ. – 1998. – С. 75. **2. Винокур Р. М.** Избранные работы по русскому языку / Р. М. Винокур. – М. : Наука, 1959. – С. 129 – 145. **3. Аванесов Н. П.** Русская литературная и диалектальная фонетика / Н. П. Аванесов. – М. : Просвещение, 1974. – С. 98 – 102. **4. Степанов Ю. С.** Основы общего языкознания / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1975. – С. 49 – 58. **5. Скаличка В. С.** Исследование звукоподражательных выражений / В. С. Скаличка. – М. : Наука, 1967. – 296 с. **6. Lexer M.** *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch* / M. Lexer. – 3Bde. S.Hirzel Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft. – Stuttgart, 1992. **7. Lexer M.** *Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch* / M. Lexer. – S. Hirzel Verlag, Leipzig, 1956.

Статтю присвячено дослідженню фоносемантичних явищ німецької мови в процесах звуконаслідування та звукосимволізму, зокрема аналізуються звуконаслідувальні дієслова в ономастичному та семасіологічному аспектах у середньовіснійнімецькому та нововіснійнімецькому періодах.

Ключові слова: звукосимволізм, звуконаслідувальні дієслова, фоносемантика, фонетичні засоби, сигніфікат, денотат.

Статья посвящена исследованию фоносемантических явлений немецкого языка в процессах звукоподражания и звукосимволизма, в частности анализируются звукоподражательные глаголы в ономастическом и семасиологическом аспектах в средневерхненемецком и нововверхненемецком периодах.

Ключевые слова: звукосимволизм, звукоподражательные глаголы, фоносемантика, фонетические средства, сигнификат, денотат.

This article is devoted to research of phonosemantic phenomena in German language in processes of sound succession and sound symbolism. It analyses sound succession verbs in onomastic and semasiological aspects in Middle High German and New High German periods.

Keywords: sound symbolism, sound succession verbs, phonosemantic, phonetic methods, significate, denotate.

Стаття надійшла до редакції 08.11.2013 р.

Прийнято до друку 23.11.2013 р.

Рецензент – д.філол.н., проф. Будівський П. О.

УДК 659.3:4;1+3+80;801;803.0;803.1;808.2;155.5:4;80:84+71

М. Р. Желтухина

КУЛЬТИВИРОВАНИЕ ФОБИЙ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕРЕЗ СМИ

Проблема изучения феномена страха является одной из актуальных проблем современности. В XX – XXI веках она рассматривается в междисциплинарном аспекте с привлечением наработок в различных областях научного знания: в лингвистике, литературоведении, психологии, психиатрии, физиологии, социологии, политологии, философии, религиоведении и др. Страх как эмоция, проявляющаяся в ситуациях угрозы биологическому или социальному существованию человека, направлен на источник действительной или воображаемой опасности, т.е. появляется при ее предвосхищении. От характера угрозы зависит вариативность интенсивности и специфики переживания страха (фобии) от опасения, боязни, испуга до ужаса. Страх, достигая силы аффекта (панический страх, ужас), способен навязывать стереотипы поведения, в т. ч. речевого (бегство, оцепенение, вербальная и невербальная защитная агрессия). Фактический материал наглядно демонстрирует, что современный медиа-

дискурс [3] активно эксплуатирует эмоцию страха для манипулирования сознанием адресата, его поведением. В данной статье рассмотрим, каким образом масс-медиа культивируют фобии в межкультурном пространстве.

В социокультурном развитии человека страх выступает как предупреждение о предстоящей опасности, фокусирует внимание на ее источнике, вызывает поиск путей ее избегания [1]. Например, сформированный СМИ страх осуждения, т. н. общественное мнение, используется в воспитательных целях как регулятор поведения. Страх, связанный с общественной жизнью, называется социофобией. Общество оценивает повышенную боязнь человека, находящегося под защитой социальных институтов, отрицательно. Сказанное подтверждает так называемая линия отражения реальности в кино: фильмы Ролана Быкова «Чучело» (по повести В. Железникова), Валерии Гай Германики «Школа», Ильмара Раага «Класс» и т. п. Эти фильмы называют страшными, жестокими, опасными, но злободневными, вскрывающими реальное положение дел, поднимающими актуальные проблемы образования и человеческих взаимоотношений. Масс-медиа мультиплицируют в сознании адресата негативные эмоции, порождают и укореняют различные фобии, что не только отражается в лексико-грамматических структурах, стилистических приемах, но и реализуется в контекстах, подтекстах, интертекстах и гипертекстах. Например,

«Класс»: Фильм-шок про насилие в школе

Убивать, пока они маленькие

В российский прокат выходит «Класс» – кровавая версия нашумевшей «Школы»

25 марта 2010, 20:28

«Класс» впечатляет... будничностью тона, с которым режиссер Ильмар Рааг рассказывает о школьном насилии и подростковой жестокости. Эстонские учителя специально водили свои классы на этот фильм, хотя иногда от происходящего на экране хочется отвернуться не только ребенку, но и взрослому.

Меж тем удвоение поголовья изгоев увеличивает и раж гонимых. В конце концов, одной детской страшилке («Дети в подвале играли в Гестапо...») суждено будет перетечь в другую – «Маленький мальчик нашел пулемет...»

Это не спойлер. Просто потому, что о перестрелках над учебниками и ошметках плоти на школьных завтраках уже снимали кино и Майкл Мур (документальный «Боулинг»), и Гас Ван Сент (философский «Слон»), оба – в попытках осознать первопричины трагедии. Но «Класс» снят совсем про другое.

Еще в начальных титрах указано, что «фильм основан на реальных событиях», однако подобной бойни в эстонских школах не было никогда. Принято считать, что картина снята по мотивам известных кровавых событий в «Колумбайне», хотя там стрельбу открыли отнюдь не затравленные зверьки, а перезревшие социопаты – поклонники Гитлера, на что есть материалы следствия. Таким образом, слова режиссера, что он де, как Мур или Ван Сент, хотел пофантазировать насчет мотивов двоих убийц из далекой Америки, можно считать отговоркой: Рааг снял фильм не о стрельбе в средней школе как громком общественном событии (эта часть сценария откровенно побочна), а о будничном, скрытом от глаз взрослых насилии и издевательствах в её стенах. Про то, что милостивые подростки даже не превращаются в подонков, а уже являются ими на определенном этапе своей жизни...

Спорить с теми, кто ультимативно утверждает, будто подобного «в наших школах» быть не может, по большому счету, бесполезно: лично с вами не случилось, и слава Богу. Но собственного школьного опыта (да и не только собственного) автору данного текста достаточно, чтобы констатировать поразительную точность, с которой режиссер описал нравы, типажи, «понятия» и схему террора внутри одного класса...

Примечательно, что в картине подробно расписаны семь объектов травли (в

одном случае это добрая, но недалекая бабушка, в другом – мать-домохозяйка и папа из «Кайтселийта», дополнительными тумачами поучающий отпрыска давать сдачи), но не субъектов. Юные садисты изображены фактическим и неизбежным злом – с характером (он на поверхности), но без биографии и бэкграунда. Причем относится это как к непосредственным экзекуторам – «кругу доверия», что образуется вокруг главного заводилы, так и к наблюдателям, в первую очередь, девочкам, хихикающим над унижениями слабого – кто ввиду привычки (в фильме неоднократно подчеркивается, что подобное отношение к изгоям – норма), кто из мещанского чувства самосохранения.

Апропо, в этом кроется очевидный, но простительный минус фильма: психология детей-«охотников», в отличие от психологии их «жертв», в очередной раз остается нераскрытой. Ранее прямую попытку понять, что щелкает в мозгу самоутверждающегося школьника-экзекутора, предприняли шведы в фильме «Зло» (2003 год)...

Другое дело – жертва, эмоциональный фон которой побогаче будет. Тут Рааг со знанием дела расставил в финале все знаки препинания. Затравленный изгой, у которого с младых ногтей отбивали чувство собственного достоинства, пойдет до конца – ему терять нечего. Тот же, кого вынудила на вендетту уязвленная гордость (гордость, понятие чести и заступничество за слабых вообще взаимосвязаны), – скорее нет, чем да.

Стоит отметить, что до российского проката фильм дошел спустя три года после премьеры. С тех пор «Класс» уже был выдвинут на «Оскар», а бойня, аналогичная событиям в «Колумбайне», успела дважды повториться в Финляндии (в Йокела и – позднее – в Каухайоки), что вызвало в маленькой Эстонии настоящую панику, так как финны не только соседи, но и близкие родственники. В адрес Раага посыпались обвинения в провоцировании злодеяний, и ответить ему было нечем: «Класс», как предполагалось изначально, должен был стать терапией просто по факту просмотра, никаких конкретных рецептов режиссер не давал. Лишь констатировал, что коллектив одноклассников, внутри которого процветает насилие, социум очень закрытый. Что вмешательство родителей или школьного персонала в некоторых случаях может только усугубить ситуацию, а то и довести её до крайности, так как «доносчиков» не прощают.

Эхо того скандала до сих пор не отшумело, но участие еще одного произведения о школьном терроре – романа «Ярость» (Стивен Кинг запретил его переиздавать под нажимом, вызванным все теми же событиями в «Колумбайне»), фильм «Класс» все-таки не разделил. Напротив, даже заинтересовал российских прокатчиков. И интерес этот, надо думать, обусловлен не тем, что картину наконец-то распробовали, а истерикой вокруг сериала «Школа», который можно назвать «Классом»-light.

Скорее всего, без этого телемыла, прогневившего Госдуму и «небезразличную общественность», «Класс» остался бы событием разве что для киногурманов (которые, к слову, его давно уже посмотрели), так как ленты из Прибалтики и Скандинавии в наших палестинах – известная экзотика. Теперь же частный случай «эстонского фашизма» в средней школе может проканать у широкой публики как кино «на злобу». Но, скорее всего, только на злобу Валерии Гай Германики. Поклонников же стиля, в котором снята «Школа», неизбежно ждет когнитивный диссонанс... Её проблема кроется не только в области художественных достоинств, но и в том, что принципиальное нежелание Германики выдерживать баланс между темным и светлым, которое так шокирует домохозяйек и оскорбляет депутатов, не имеет ровным счетом никакого отношения к «вскрытию нарывов общества», что бы там ни утверждали люди с Первого канала.

«Класс» же не только остросоциален (да, краска в фильме, как и в сериале, всего одна – черная, зато не акварельная), но и действительно способен шокировать,

причем не домохозяек и депутатов, а кого угодно. И дело тут не в количестве крови, а во вселяющей ужас будничности происходящего, что мастерски удалось передать Раагу.

Другой вопрос, что соблюсти баланс он тоже не смог, от спекуляций не удержался. Вложил в одних персонажей столько ненависти, а в других столько сочувствия, что кровавое, чудовищное, невозможное преступление ни чудовищным, ни невозможным уже не выглядит. Когда иной шестнадцатилетка – еще дитя – счастливо уворачивается от пули, зритель готов испытать досаду.

(<http://www.vz.ru/culture/2010/3/25/386943.html>)

Масс-медиа воспитывают устойчивость через привыкание к различного рода страхам, в т. ч. социофобиям. При этом так называемая устойчивость обычно направлена не на избавление от фобий, а на выработку умений владеть собой (страх публичных выступлений, страх покраснеть, страх противостоять слухам, страх межличностного конфликта, страх экономического кризиса, страх терактов, страх катастроф, страх насилия и т. д.): «*Не боюсь!*», «*Не страшно!*». Сказанное иллюстрирует статья, сообщающая о фильме «Фобос. Клуб страха».

Фобос. Комната смеха

В прокат выходит еще один неудачный образчик русского хоррора «Фобос. Клуб страха»: Нас пугают, а нам смешно

Создатели фильма «Фобос. Клуб страха», который стартовал в кинотеатрах 25 марта, очевидно, хотели напугать молодежь скелетами советских диссидентов, клаустро- и другими фобиями, визгом, кровью и темными силами, но оказались подняты на смех. Публика хохотала на самых страшных моментах. Из хоррора получилась пародия на хоррор. Впрочем, когда со времен «Господина оформителя» русские ужасы получались удачно?

Одна из возможных причин того, что в России не получается снимать жанровое кино: никто не хочет блюсти чистоту собственно жанра, все норовят «тарковщины» подпустить. Здесь это – важная психологическая особенность: все герои оказываются параноиками, у каждого обнаруживается какая-нибудь фобия. Кто-то боится огня, кто-то – утонуть, одна – крыс, другой – инфекций, ну а главный положительный герой – внимание! – испытывает страх перед влюбленностью. Последняя фобия, конечно, просто обязана обостриться в военном бункере. Перед лицом смерти особенно страшно влюбиться, какие уж там мины. В общем, всем героям как-то не по себе.

(<http://vz.ru/culture/2010/3/24/386460.html>)

В кризисные времена особенно важна разработка психолингвистических техник устойчивости к социальным страхам, спровоцированным фактором риска, т. е. возникшим в результате изменения условий существования, характеризующихся наличием угрозы для жизни человека, переданным по различным каналам связи. Например, потеря работы, невозможность выплачивать кредиты, оплачивать жилье, содержать семью, кормить, одевать, обучать детей, спокойно передвигаться в пространстве и т. п. Аффективные состояния человека обусловлены его неподготовленностью к деятельности в условиях угрозы для жизни, астенизацией нервной системы, а также неожиданностью возникновения аварийной ситуации. Фактор риска обуславливает переживание человеком экстремальной ситуации. Масс-медиа усугубляют ситуацию угрозы. Нарастающая при этом психическая напряженность проявляется в мимике адресата, его речевой активности, глубине сна, изменениях основных физиологических функций. Отмечаются неуверенность в надежности технических систем, когнитивное проигрывание вероятности возможных критических ситуаций. У человека, попадающего в измененные условия впервые, сразу же при преодолении психологического барьера психическая напряженность сменяется повышенным настроением, доходящим до эйфории и психомоторного возбуждения [1].

Смена эмоционального состояния регулируется психологическими (снятие информационной неопределенности) и физиологическими (эмоциональное разрешение) механизмами. Неустойчивая психическая деятельность в условиях кризисных ситуаций обуславливает необычные психические состояния, проявляющиеся в форме ажитации (чрезмерно сильного возбуждения) и кратковременного ступора (резкой угнетенности, выражающейся в неподвижности и молчании). Глубокие психические изменения порождают аффективные неврозы в форме фобий, выраженных двигательных возбуждений и длительного ступора, которые могут приводить к неадекватным реакциям. Следствием этого является увеличение вероятности неблагоприятного исхода, в частности катастроф и крупных аварий.

Особенно важно изучение динамики и массовости социофобий, порожденных и распространяемых в СМИ. Яркой иллюстрацией является серия вербальных сообщений в Интернете об одних и тех же терактах, взрывах с акцентированием какого-либо аспекта события (место, время, количество жертв, исполнители, дети и т. п.), а также дополнительные сообщения о схожих событиях во времени и пространстве, сопровождающиеся невербальными графическими текстами-фотографиями с изображением жертв, раненых, трупов, спасателей, милиции, властей, военных, лиц определенной национальности, женщин в черном, оружия, техники, пожаров, огня и дыма и т. п. Например,

На станции «Лубянка» найдены тела 2 шахидок

26 человек погибло во время первого взрыва, который прогремел в 7.30 утра на станции метро «Лубянка». В Московском метро в утренний час пик в 7.50 29 марта прогремел мощный взрыв, погибло около 30 человек, еще столько же ранены.

29.03.2010

ГУВД: взрыва на Проспекте мира не было >

29.03.2010

Глава метро: Мы работаем в штатном режиме >

29.03.2010

На Парке культуры взорвали при открытии дверей >

27.03.2010

Боевики в Колумбии привлекают детей к терактам >

26.03.2010

Двойной теракт унес жизни 42 человек в Ираке >

13.03.2010

30 человек погибли после 4 взрывов в Кандагаре >

12.03.2010

Поезда в Дагестане снова пошли >

10.02.2010

Террорист-смертник взорвался на шоссе >

26.01.2010

Произошел взрыв около центра судмедэкспертизы >
(<http://lifenews.ru/news/18745>, 29.03.2010)

В процессе заражения массовый страх перед реальной или воображаемой опасностью способен нарастать и блокировать волю, рациональную оценку ситуации и выработку противодействия. Взаимодействующая социогруппа тем легче превращается в паническую толпу [2], чем менее ясны или субъективно значимы общие цели, чем ниже ее сплоченность и авторитет ее лидеров. В общей обстановке социопсихической напряженности выделяются следующие *условия возникновения массовой паники* (от греч. *panikon* – безотчетный ужас) [1]:

1) *социально-ситуативные* связаны с общей обстановкой психической напряженности (паника сопровождается ощущением общего дискомфорта, тревоги, иногда страха, однако, в отличие от тревоги, включает в себя готовность овладеть ситуацией, действовать в ней определенным образом), вызывающей состояние тревоги, ожидания тяжелых событий (землетрясение, война, военный переворот, теракт и т. д.);

2) *общепсихологические* – неожиданность, испуг, связанный с недостатком сведений о конкретном источнике опасности, времени ее возникновения и способах противодействия;

3) *физиологические* – усталость, голод, опьянение и т. д.

Именно возможность возникновения массовой паники, спровоцированной масс-медиа, порождение и распространение фобий, в т. ч. социофобий, в межкультурном пространстве через СМИ требует сегодня проведение социо- и психолингвистического изучения лингвокультурных условий и механизмов возникновения фобий, их динамики и массовости для разработки специальных мер профилактики и борьбы с ними.

Литература

1. Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Политиздат, 1990. – 494 с. **2. Ле Бон Г.** Психология народов и масс / Г. Ле Бон. – СПб. : Макет, 1995. – 311 с. **3. Желтухина М. Р.** Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ : монография / М. Р. Желтухина. – М. : ИЯ РАН ; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.

Сучасний медіа-дискурс активно експлуатує емоцію страху для маніпулювання свідомістю й поведінкою адресата. У цій статті розглядаються різні прийоми культивування фобій у міжкультурному просторі через ЗМІ.

Ключові слова: фобії, паніка, жах, агресія, фактор ризику, стереотипи, міжкультурний простір, медіа-дискурс.

Современный медиа-дискурс активно эксплуатирует эмоцию страха для манипулирования сознанием и поведением адресата. В данной статье рассматриваются различные приемы культивирования фобий в межкультурном пространстве через СМИ.

Ключевые слова: фобии, паника, ужас, агрессия, фактор риска, стереотипы, межкультурное пространство, медиа-дискурс.

The modern media discourse actively maintains an emotion of fear for a manipulation of consciousness and behaviour of the addressee. In given article various methods of cultivating of phobias in intercultural space through mass-media are considered.

Keywords: phobias, panic, horror, aggression, risk factor, stereotypes, intercultural space, media discourse.

Стаття надійшла до редакції 10.11.2013 р.

Прийнято до друку 23.11.2013 р.

Рецензент – д.філол.н., проф. Зайцева І. П.